



А. ЛЕМБЕРГ

Мое счастье

Однажды ты становишься счастливым, еще сам не подозревая этого. Потом много лет память цепко держит этот миг.

Мне посчастливилось снимать В. И. Ленина. Впервые это случилось в апреле 1917 года.

Мне исполнилось восемнадцать лет, когда я приехал в Москву с южного фронта, где фиксировал на киноплёнку события и ужасы войны.

В Петрограде я оказался случайно; мой хозяин Ломашкин¹, у которого я работал, послал меня туда, чтобы я на черном рынке приобрел негативную плёнку для съёмки очередного игрового фильма. В Петрограде у особняка Кшесинской², где разместился городской комитет партии большевиков, собирались рабочие и солдаты, чтобы послушать большевистского оратора. Этот митинг привлек меня, и я решил зафиксировать его на киноплёнку, приобретенную на черном рынке. Оратор говорил самые близкие и понятные слова: «Долой империалистическую войну!», он требовал от Временного правительства заключения мира и передачи земли крестьянам, а фабрик и заводов — рабочим. Он требовал, чтобы вся власть принадлежала рабочим и крестьянам.

Сейчас как будто и не нужно объяснять, в силу каких причин я решился расходовать хозяйскую плёнку. Ведь выступал Ленин. Конечно, тогда едва ли я отдавал полный и осмысленный отчет в исторической значимости тех событий, но было удивительное ощущение причастности к историческим событиям, тем более полное и счастливое, что было оно неосознанными samozабвенным.

Затем 1 мая я снова пришел к особняку Кшесинской с кинокамерой, чтобы заснять первую свободную маевку. Площадь уже была заполнена до отказа, а народ все подходил, и митинг решили перенести на Марсово Поле. На грузовик, оснащенный большевистскими лозунгами и плакатами, откуда должен был выступить

пять Владимир Ильич, несколько матросов помогли мне втащить кинокамеру.

Въехав на Марсово Поле, наш грузовик остановился невдалеке от Летнего сада, где площадь была более или менее свободной, так как в других концах площади уже выступали ораторы: кадеты, эсеры, меньшевики, анархисты и представители других партий. Очень быстро вокруг грузовика, который служил трибуной, образовалась большая аудитория рабочих и солдат — они пришли послушать Владимира Ильича.

Впечатления и события меня потрясли настолько, что я незаметно прокрутил все сто двадцать метров пленки, которые были заряжены в моей камере. Я снял несколько планов выступающего Ленина, аудиторию, реагирующую на его речь, и общие планы свободного митинга 1 мая 1917 года.

Вернувшись в Москву, я заявил своему хозяину, что сто двадцать метров мною израсходованы на пробу качества закупленной пленки, кстати очень дорогой и дефицитной. Когда хозяин увидел на экране, что я снял, он рассвирепел: «Какое право ты имел на моей пленке и за мои деньги снимать немецкого шпиона?! Если нужно было тебе испробовать качество, для этого достаточно было истратить два метра пленки. Чтобы больше твоей ноги у меня не было. Вот тебе расчет с удержанием стоимости затраченной пленки, убирайся, чтобы я тебя больше не видел». Деньги он с меня удержал, а снятый материал оставил у себя.

Октябрьская революция определила место кинодокументалистов. Владимир Ильич многих из нас знал и очень часто содействовал нашему делу. Однажды на одном из съездов мы обратились к хозяйственнику с просьбой обеспечить группу киноработников питанием. Хозяйственник нам отказал; он считал, что работают делегаты, а не кинооператоры. Оператор Гибер³ увидел входящего в зал Владимира Ильича и на ходу обратился «к нему»: «Владимир Ильич! Мы три дня снимаем, а нам говорят, якобы мы не работаем, а потому лишены пайка». Владимир Ильич вытащил из кармана блокнот, спросил: «Сколько вас человек?» — а затем написал заведующему хозяйственной частью Кремля: обеспечить киноработников, питанием, чтобы они думали о работе, а не о еде. А внизу подписал: «Ленин».

Запечатлевая товарища Ленина на кинопленку или фото, нам не часто приходилось видеть, чтобы наши кадры или фотоснимки печатались в газетах или журналах.

Во время съездов, собраний он всегда говорил: «Не меня снимайте, а людей, которые приехали с периферии». Мы все же старались украдкой поймать в поле зрения объектива Владимира Ильича

ча. Это было очень трудно, так как длиннофокусной оптики у нас не было, о приближении к объекту съемки не могло быть и речи, пленка была малочувствительной, а оптика далеко не светосильная — 4,5 светосила самая большая⁴. Приходилось пользоваться освещением вольтовой дуги, угли шипели, выпадали горячие куски на пол, прожигали ковры, а иногда и пол. При каждой съемке у наших аппаратов дежурили два-три пожарника. Ослепительный свет вольтовой дуги жег глаза и мешал ораторам говорить, они кричали — уберите свет, уберите кино, не мешайте работать. Все же, несмотря на все трудности, первым кинолетописцам — операторам — удалось оставить для будущих поколений ценнейшие кадры гражданской войны, становления Советской власти и бесценные кадры документальной Киноленинианы.

Это тот счет, который нами оплачен перед историей.

Сохранившиеся мандаты до сих пор напоминают о горестных днях 1924 года. Человечество потеряло великого Ленина.

В первом выданном мне мандате сказано, что я являюсь кинооператором Госкино и мне поручено в Колонном зале Дома союзов производить кинофотосъемки, а второй мандат был выдан на право производства киносъемок во время похорон Владимира Ильича Ленина на Красной площади.

Трое суток почти без сна я продежурил в Колонном зале с осветителем Василием Андреевичем Кузнецовым⁵, который только что вернулся из Горок, где производились кинофотосъемки кинооператорами Александром Андреевичем Левицким⁶, Эдуардом Казимировичем Тиссэ⁷ и фоторепортером «Известий» Константином Андреевичем Кузнецовым⁸, который позже перешел на операторскую работу и по сегодняшний день продолжает работать на студии научно-популярных фильмов.

Кроме съемок в Колонном зале Дома союзов мне удалось также ночью в сорокаградусный мороз на Красной площади заснять при свете костров постройку временного деревянного Мавзолея. Съемку пришлось производить по кадру, мультипликационным способом, так как осветительных приборов не было, а свет костров для нормальной съемки был недостаточный.

Тем временем в Колонном зале Дома союзов беспрерывно круглые сутки у гроба Ленина проходили, прощаясь с Ильичем, рабочие, служащие и военные. Несмотря на крепкие морозы, очередь к Дому союзов тянулась в несколько десятков километров, трудящиеся шли организованно, соблюдая дисциплину и порядок, без всяких оцеплений, перекрытий.

Доступ к Ленину продолжался круглые сутки, лишь двадцать минут перерыва давалось на уборку зала. В эти двадцать минут

мы засыпали в отведенной комнате, сидя в креслах, а затем снова продолжали работать.

Наконец последний путь завершен и гроб с телом Ильича внесли во временный деревянный Мавзолей. Я упаковал свою аппаратуру, навьючился и пешком направился в Госкино; это сравнительно небольшое расстояние до Малого Гнездииковского переулка мне показалось безумно длинным, а кроме того, я почувствовал страшную усталость, и сорокаградусный мороз обжигал мне щеки. Придя домой, я уснул и только через двадцать часов проснулся. Несколько дней я не верил, что Ленина с нами нет, но снятые кадры похорон мне напоминали о том, что он умер.

В эти дни были мобилизованы все кинооператоры, которые участвовали в фотокиносъемках, а Иван Семенович Кобозев⁹, бывший кинолаборант, принимал и контролировал весь снятый операторами негатив, который проявлялся и обрабатывался под его руководством на 1-й Госкинофабрике (бывшей Ханжонкова)¹⁰.

Пройдут годы, пройдут десятилетия, столетия и тысячелетия, но останутся на века уникальные бесценные кадры документальной Ленинианы, которые и составят живую ценнейшую киноленту Ленинской эпохи¹¹.

